

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКИХ СЛОВ,
ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В РОДНОЙ РЕЧИ УЗБЕКСКИХ СТУДЕНТОВ**

М.З. Фатхуллаходжаев

преподаватель кафедры русского языка и методики преподавания УзГУМЯ

Ташкент, Узбекистан

Mahmud51@inbox.ru

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.14565586>

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме проникновения лексики одного языка в другой на примере русского и узбекского языков, а также проблеме языка и общества на конкретном механизме языкового развития. Сделана попытка классифицировать типы семантических отношений, возникающих между русскими и узбекскими словами.*

***Ключевые слова:** русские заимствования, обрусение, двуязычность, взаимовлияние языков, функционально-семантическое отношение, стилистическое варьирование, лексема.*

Одним из характерных признаков обиходно-разговорного стиля узбекского языка становится определенный набор русизмов. Эта речь отличается от официально-деловой и письменной степенью наполненности русизмами и формой их существования с соответствующими им узбекскими словами. Некоторые синонимические дублиеты приобретают в разговорно-обиходной речи другие смысловые оттенки и становятся семантически маркированными.

Л.В. Щерба и Е.Д. Поливанов первыми в языкознании стали решать проблему проникновения лексики одного языка в другой, связывали проблему языка и общества с конкретным механизмом языкового развития.

Е.Д. Поливанов считал, что «... количество русских заимствований сильно колеблется в зависимости от географических и культурных условий данной национальности» [1, с. 201]. Большое число русской лексики в приволжско-приуральских языках (обоих мордовских, марийском и т. д., а также у чувашей) Е.Д. Поливанов объясняет «... сильной степенью их обрусения и двуязычности (при окружении русским населением)» [1, с. 201]. Кроме татар, что также объясняется их географическим положением, «... значительно меньший процент русских слов мы находим у прочих турецких народностей» [1, с. 201], что обусловлено, во-первых, их географическим положением, во-вторых, тем, что у узбеков, туркмен и других турецких народов существовавший уже до революции литературный язык обладал «значительным числом «научных слов» арабских и персидских (проникших в предшествовавшие эпохи под напором влияния мусульманской культуры)» [1, с. 202].

О причинах проникновения русских слов правильнее говорить в связи с определением функционально-семантических условий употребления их.

Изучение функциональных тождеств и различий эквивалентных слов двух языков и выделение среди них вариантных и оппозитивных употреблений может уточнить объем, границы и взаимные связи узбекского и русского языков и исключить возможность объединения в пределах одного типа семантически не равнозначных слов.

В нашей работе сделана попытка дать классификацию типов семантических отношений, возникающих между русскими и узбекскими словами. Употребляющиеся в узбекской речи слова русского языка можно подразделить на три группы с точки зрения их функционально-семантических отношений: 1) свободно варьируемые слова; 2) трансформированно варьируемые; 3) вкрапления.

Первая группа – это дублетные подстановки к существующим в родном языке словам. Например: билет олмасак, **пешком** борамиз – если не возьмем билета, пойдем пешком; или: юр, **йайов** борамиз – пошли, пешком пойдем. Встречаемость этих слов в речи носит вероятностный характер. Варьирование такого рода есть результат нейтрализации различий между значениями слов русского и родного языка. Такая интерпретация исходит из равной семантической специализации слова русского языка в сравнении его с узбекским словом.

Совпадение значений слов двух языков не всегда следует расценивать как результат их семантической близости, служащей поводом к их отождествлению в качестве синонимов. Речь идет именно о совпадении значений, а не об их неразличии. Существуют, однако, случаи, когда функционально-семантическое отношение эквивалентных слов носит характер оппозиции, сложность которой в том, что она не самостоятельна, а фрагментарна. Оба члена оппозиции семантически специализированы, т. е. наделены соотносительными позитивными признаками. Этот случай следует рассматривать как трансформацию русского слова в сферу употребления слова узбекского языка.

Такие слова, называя реалию или явление, для обозначения которых в родном языке уже есть слово, содержат в семантической структуре, подобно терминам, одно значение, которое становится классификационно-релевантным и приобретает статус самостоятельного. Доказательством тому служит и то, что их употребление не подвержено стилистическому варьированию, т. е. они являются относительно постоянными характеристиками устной речи, не изменяющимися от ситуации к ситуации. Такое их поведение объясняется тем, что говорящие ясно сознают различие между значениями слов двух языков.

Примером трансформированного варьирования может служить лексема **свежий**, активно функционирующая в узбекской устной речи и способная вступать в отношения заменяемости с группой узбекских слов: **янги, тоза, хўл**.

В русском языке слово **свежий** имеет по словарю Ожегова следующие значения: 1) недавно добытый или приготовленный; не испортившийся (свежая рыба, свежие цветы, свежий хлеб); 2) идущий в пищу в своем натуральном виде (свежий огурец, несоленый); 3) прохладный и чистый, не спертый (о воздухе); 4) холодный (о ветре, погоде) (подул свежий ветер. По ночам свежо); 5) не утративший ясности, яркости (свежие краски, события еще свежи в памяти (перен.); 6) не бывший еще в употреблении, незапачканный, чистый (свежая рубашка); 7) недавно возникший, новый или (о силах, возможностях) обновленный (по свежим следам, свежие новости, со свежими силами, свежая мысль, на свежую голову сделать что-либо).

В узбекском языке слово **янги** имеет значения: 1) новый, 2) свежий: ~ газета (свежая газета), ~ каром (свежая капуста); ~ нон (свежий хлеб); 3) молодой; 4) только что, недавно.

Тоза: 1) чистый, свежий, опрятный: ~идиш (чистая посуда); ~кийим (чистая одежда); ~хаво (чистый, свежий воздух); 2) перен. чистый, непорочный; 3) чистый, беспримесный, натуральный; 4) перен. чистый, чистейший, постоянный; совершенно, окончательно, сильно, здорово, как следует.

Хўл: 1) мокрый, влажный; 2) сырой; 3) свежий (несушенный).

Как видим, в узбекском языке нет отдельно выделенной лексемы для обозначения свежести, подобной лексеме русского языка, хотя средствами узбекского языка можно передать все значения, имеющиеся в слове **свежий**.

Общий семантический компонент у слов **свежий** и **янги**, который делает возможным их сопоставление – неиспорченность, дифференцирующим же является значение слова **янги**, которого нет в слове **свежий, новый**: янги машина – новая машина, янги электричка – новая электричка (электромобиль), а не свежая машина, не свежая электричка. То же в остальных парах. **Свежий** – тоза. Общее – чистый в значении не спертый и дифференцирующее – чистый в значении не грязный. Тоза кўл – чистая рука, а не свежая рука. **Свежий** – хўл. Общее – не сушенный, идущий в пищу в своем натуральном виде. Дифференцирующее – мокрый : хўл мева – несущенные фрукты, а не несвежие фрукты.

Таким образом, все семы, означающие **свежесть**, объединились в одном слове – **свежий**. Все три узбекских слова оказались заменяемы одной лексемой, безразличной к остальным значениям, имеющимся в этих словах.

Все значения свежести, имеющиеся в узбекских словах, в результате семантической самодостаточности потребовали семантической самостоятельности, которая и расшатывает единство узбекского языка.

В связи с семантической раздробленностью узбекских слов, слово **свежий** оказалось нейтральным в том смысле, что лишено остальных значений, имеющихся в **тоза**, **янги**, **хўл**. Все это не могло не способствовать закреплению этого слова в речи.

Вкрапления – это иноязычные слова или целые выражения в родной речи, не освоенные ни в лингвистическом, ни в социальном планах. Употребление их обусловлено окказионально или речевыми особенностями индивидов.

В отличие от других групп иноязычных слов вкрапления отвечают лишь мгновенной потребности, а постоянное и регулярное употребление переводит их в иную категорию.

Итак, ответ на вопрос: почему в семантической структуре некоторых узбекских слов функционально-самостоятельные значения выделяются в отдельное слово, имеющее звуковую оболочку русского, следует искать не просто в многозначности слов, это был бы номиналистский подход, а в билингвизме и языковой технике обозначения, различной в обоих языках.

Литература

1. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. – М., 1968. – 376 с.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 10. – М., 1973. – 846 с.
3. Узбекско-русский словарь под редакцией А.К. Боровкова. – М., 1959. – 839 с.